

кровопролитія. Но это право безсильно тамъ, гдѣ надо низвергнуть или ограничить власть и уничтожить господство привилегированныхъ. Прекрасное орудіе для мирнаго разрѣшенія недоразумѣній между правителями, какую оно можетъ принести пользу подданнымъ?

Исторія отвѣчаетъ намъ на этотъ вопросъ. — Пока буржуазія думала, что всеобщая подача голосовъ будетъ въ рукахъ народа оружіемъ для борьбы съ привилегированными классами, она всѣми силами противилась ей. Когда же, въ 1848 году, она поняла, что это право не только не грозитъ ей привилегіямъ, но даже не мѣшаетъ ей властвовать надъ народомъ, она сразу ухватилась за него. Теперь буржуазія стала его ярой защитницей, такъ какъ она знаетъ, что это лучшее средство, чтобы удержать въ своихъ рукахъ господство надъ массами.

То же самое относительно свободы печати. — Какой доводъ былъ самымъ убѣдительнымъ въ глазахъ буржуазіи въ пользу свободы печати? — Ея безсиліе! Ея несостоятельность! „Когда-то», — говоритъ Жирарденъ, — „сжигали колдуновъ, потому что имѣли глупость ихъ считать всемогущими; теперь дѣлаютъ ту же глупость относительно печати. Но печать такъ же безсильна, какъ средневѣковые колдуны. И потому — долой преслѣдованія печати!» Вотъ, что говорилъ когда-то Жирарденъ. А какой аргументъ выставляетъ теперь буржуазія въ защиту свободы печати? — „Посмотрите», — говоритъ она, — „на Англію, Швейцарію, Соединенные Штаты. Тамъ полная свобода печати, а между тѣмъ нигдѣ такъ не развита эксплоатація, нигдѣ такъ властно не царитъ капиталъ. Пусть нарождаются вредныя теченія. Мы всегда сумѣемъ заглушить голосъ ихъ органовъ, не прибѣгая даже къ насилію. А если когда-нибудь, въ моментъ возбужденія, революціонная пресса и станетъ опасной, мы всегда успѣемъ уничтожить ее подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ».

На счетъ свободы собраний тѣ же разсужденія.

— „Дадимъ полную свободу собраний», говоритъ буржуазія; — „народъ не смѣетъ коснуться нашихъ привилегій. Мы должны больше всего бояться *тайныхъ* обществъ, а публичныя собранія лучшее средство, чтобы положить имъ конецъ. Если же въ моментъ сильнаго возбужденія публичныя собранія и стали бы опасными, мы всегда можемъ ихъ воспретить, такъ какъ въ нашихъ рукахъ правительственная власть».

„Неприкосновенность жилищъ? — Пожалуйста! записывайте ее въ кодексы, прокричите повсюду!» говорятъ хитрые буржуа. — „Мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія, чтобы агенты полиціи тревожили насъ у семейнаго очага. Но мы учредимъ тайную канцелярію, мы заселимъ страну агентами тайной полиціи, мы составимъ списки неблагонадежныхъ и будемъ зорко слѣдить за ними. Когда же мы почуемъ, что опасность близка, плюнемъ на неприкосновенность, будемъ арестовывать людей въ постеляхъ, допрашивать ихъ, обыскивать жилища. Не будемъ останавливаться ни передъ чѣмъ и тѣхъ, кто посмѣетъ слишкомъ громко заявлять свои требованія, упрячемъ въ тюрьмы. Если же насъ будутъ обвинять, скажемъ: „Что же дѣлать, господа! *A la guerre comme à la guerre!*»

Неприкосновенность корреспонденціи? — Говорите всѣмъ, пишите, что корреспонденція неприкосновенна. Если начальникъ почтоваго отдѣленія въ глухой деревнѣ изъ любопытства распечатаетъ какое-нибудь письмо, лишите его тотчасъ же должности, кричите во всеуслышаніе: „Чудовище! преступникъ!» Остерегайтесь, чтобы тѣ мелочи, которыя мы сообщаемъ другъ другу въ письмахъ, не были разглашены. Но если вы нападете на слѣдъ предумышленнаго заговора противъ нашихъ привилегій, — тогда нечего стѣсняться: будемъ вскрывать всѣ письма, учредимъ цѣлый штатъ специальныхъ чиновниковъ, а протестующимъ скажемъ, какъ это сдѣлалъ недавно при апплодисментахъ всего парламента одинъ англійскій министръ:

„Да, господа, съ глубокимъ отвращеніемъ вскрываемъ мы письма, но, что же дѣлать, вѣдь отечество (вѣрнѣе, аристократія и буржуазія) въ опасности!»

Вотъ, къ чему сводится эта, такъ называемая, политическая свобода.

Свобода печати, свобода собраний, неприкосновенность жилищъ и всѣ остальные права признаются только до тѣхъ поръ, пока народъ не пользуется ими, какъ орудіемъ для борьбы съ господствующими классами. Но какъ только онъ дерзнетъ посягнуть на привилегіи буржуазіи, всѣ эти права выкидываются за бортъ.

Это вполнѣ естественно. Неотъемлемы лишь тѣ права, которыя человѣкъ завоевалъ упорной борьбой и ради которыхъ готовъ каждую минуту снова взяться за оружіе.

Сейчасъ не сѣкутъ на улицахъ Парижа, какъ это дѣлается въ Одессѣ, лишь потому, что позволъ себѣ это правительство, народъ растерзаетъ своихъ палачей. Аристократы не прокладываютъ себѣ